

другу, вследствие чего трудно и возражать. Так, например на с. 222 автор говорит об округах Понтийского царства как территориях, подчиненных крупным греческим городам, на с. 223 об укреплениях, которые контролировали ближайшую территорию и были ее столицей, на с. 227 – о крепостях как центрах сбора налогов с округов, на с. 231 – о назначении военных поселений удерживать в подчинении местное население и строительстве их в противовес греческим городам, на с. 237 – о сохранении самоуправления ком, как одной из главных причин строительства крепостей и т.д. При таком разбросе вариантов назначения царских укреплений очень трудно представить себе их реальное предназначение.

Заключительная часть книги написана более удачно. Здесь основные выводы автора построены на более надежных сведениях письменных источников и вполне приемлемы.

В целом, говоря о книге С.Ю. Сапрыкина, нельзя не признать ее важности и значимости для отечественной науки. Она, несомненно, полезна и вносит существенный вклад в изучение истории не только Понта, но и сопредельных с ним эллинистических государств Малой Азии.

Е.А. Молев

© 1998 г.

H. HEINEN. Frühchristliches Trier. Von den Anfängen bis zur Völkerwanderung. Trier: Paulinus Verlag, 1996.

В книге представлена история христианства в Трире начиная с III в. и до Великого переселения народов. Как отмечает автор, книга написана не только и не столько для специалистов. Действительно, она представляет интерес и для историков римского христианства и для широкого круга читателей. В ней приведены общие сведения о Трире и его связях с другими городами в контексте политической обстановки Римской империи, разбираются все известия о христианах в Трире, даются персоналии трирских епископов, анализируются эпиграфические, литературные, археологические источники, критически рассматривается средневековая традиция. При этом исследователь ставит вопросы перед читателем, как бы вовлекая его в свои рассуждения. Книга читается с неослабевающим интересом. Пересказать ее содержание в краткой рецензии трудно, я остановлюсь на тех вопросах, которые мне кажутся наиболее интересными.

В первой главе «Римская Галлия. Окружение раннего христианства» автор подробно рассматривает галльские связи Трира. Он не ограничивается только исследованием начала христианства, но воссоздает духовную атмосферу того времени: он считает, что в религиозной жизни Поздней империи, как это видно из споров и диспутов, сочетались диффамация, нетерпимость, преследования на религиозной почве. Одна из целей его исследования – не судить, но понять эту ситуацию. Хайнен дает описание языческих культов Трира, который с его точки зрения был галльским городом, где сложилась галло-римская культура. Кельтские божества выступали или под римским именем или под двойными именами, например *Lepus-Mars*. Религиозное влияние шло с востока и с юга, обнаружен митреум, изображения Геракла и Минервы. По мнению Хайнена, христианство пришло в Трир из Лугдуна в последние десятилетия II в. Он предполагает, что во время известных лионских гонений гибель христиан на арене амфитеатра была приурочена к празднику, на котором могла присутствовать и делегация граждан Трира. В Лугдуне же христианство, как и другие восточные культы, непосредственно шло с Востока. В книге приведена найденная в Лионе в 1974 г. исключительно интересная надпись на греческом языке, составленная гексаметром. Надпись представляет собой эпитафию некоего Юлиана Евктения из Лаодикеи Сирийской. Там сказано, что он обладал силой убеждения и добродетелью души, он прошел по многим общинам области кельтов... Окончание надписи настолько повреждено, что понять его трудно. Вероятно, речь идет о бродячем проповеднике или учителе философии – трактовки могут быть различны. Автор разделяет мнение, что Евктений был христианским миссионером (что возможно, но, с моей точки зрения, не вытекает из стилистики надписи). В эпитафии упоминаются три рода кельтов, у которых бывал покойный. Это значит, считает Хайнен, что Евктений был и в *Gallia Belgica*, где находился Трир. В любом случае можно говорить о восточных связях этого региона.

Анализируя свидетельства, имеющие отношение к населению Трира, Хайнен привлекает

упоминание Иринею варварского диалекта, на котором говорили кельты, и приходит к выводу, что это была народная латынь, а не кельтский язык. В связи с этим анализом автор высказывает интересное замечание. Он обращает внимание на то, что у Павла в его противопоставлениях (нет ни эллина, ни иудея...) не упоминаются римляне, что связано, по его мнению, с эллинистической ориентацией древней церкви, которая не считала римлян особой группой человечества (*Menschheitskategorie*). Мне представляется, что подобное восприятие было свойственно всем провинциалам, для которых римляне не составляли культурной или религиозной общности – это было понятие политическое, поскольку римским гражданином мог стать и эллин, и иудей, и варвар (например галл). И уж во всяком случае во времена Иринея римляне никакой особой общности – кроме административно-политической – не составляли.

Говоря о пестром составе населения Трира, Хайнен приводит две важные надписи рубежа IV–V вв. Одна из них – на надгробии императорского телохранителя (*protector domesticus*), сына бургундского вождя, поставленного его дядей. Она свидетельствует о германцах на римской службе, причем некоторые из них были связаны родственными узами (по-видимому, старшие приводили за собой младших сородичей). Вторая надпись на греческом и латинском языках представляет собой эпитафию христианина Урсиния, выходца с Востока – в надписи сказано *διὰ τοῦ ὀνόματος*. Мне кажется, что надпись эта интересна не только для этнической истории Трира, но и для понимания изменения социальной психологии христиан. Если Евктиний указывал свой родной город, то для Урсиния, жившего на рубеже V в., связь с конкретным городом не имела значения, возможно, он приехал из Восточной Римской империи: только это и обозначало слово «восточный».

Последующие главы книги посвящены детальному исследованию сведений о христианах в Трире. Наиболее подробно проанализированы сложные, подчас противоречивые источники, касающиеся IV века. Рассмотрение ситуации этого времени Хайнен начинает с гонений времени Диоклетиана (он воспринимает их в единой цепи религиозных гонений, в частности на манихеев, как проявление свойственной государству и обществу того времени нетерпимости к людям, чьи взгляды угрожали существующему порядку). Также впоследствии христиане будут, по словам Хайнена, объявлять язычников, иудеев, еретиков закоснелыми в безрассудстве людьми.

Рассматривая разные источники, Хайнен доказывает, что, согласно сочинению Лактанция и письму епископов по поводу донатистов, в Трире, который был резиденцией Констанция Хлора, массовых преследований христиан не было. Он подвергает сомнению средневековое предание о мучениках – воинах Фиванского легиона, якобы стоявшего в Трире. Как он пишет, в позднеримских и раннесредневековых исторических источниках аутентичных упоминаний о трирских мучениках нет. Традиция о Фиванском легионе восходит к XI в. В то же время было бы неверным представлять Трир оазисом терпимости. Церкви должны были быть разрушены, даже во владениях Констанция Хлора христианство было запрещенной религией.

Предания о первых епископах Трира (они появились там, по всей вероятности, во второй половине III в.) Хайнен оценивает с большой осторожностью, в том числе он не считает возможным трактовать как христианское захоронение в склепе *Albana*. Достоверные сведения дошли только от времени Константина – в Соборе 314 г. в Арле участвовал трирский епископ Агриций. Восстанавливая религиозную политику Константина, автор полагает, что до Миланского эдикта никаких официальных распоряжений в отношении христиан не существовало и Константин продолжал политику своего отца. После 313 г. император не только признал христианство, но вернул культовые здания, отобранные во время гонений, и разрешил строительство новых. Особое внимание в этой связи уделено традиции, относящейся к Елене. В средневековом житии императрица предстает основательницей Трирского собора, которому она передала свой дворец. Из своего путешествия в Святую землю, согласно той же традиции, она привезла в Трир реликвии – знаменитую *tunica Christi*. Житийная традиция сделала Елену трирской уроженкой, хотя она родилась, по всей вероятности, в Малой Азии. Для решения вопроса о роли Елены в Трире автор привлекает археологические материалы. В 1945–1946 годах были открыты части потолка с росписями, принадлежавшего помещению, разрушенному при строительстве собора. В книге приведены цветные фотографии этих великолепно выполненных росписей. В 15 прямоугольных кессонах на них изображены танцующие эроты, мужчины (один со свитком, – возможно, философ) и женщины с нимбами в богато украшенных одеждах с драгоценностями. Последние – или аллегорические фигуры или женщины из императорской семьи. В связи с этим автор ставит вопрос, не могла ли действительно Елена быть основательницей собора? Однако сопоставление всех археологических данных, находок монет говорит за то, что церковь на месте собора была основана не ранее конца правления Константина и после смерти Елены.

Специальные главы книги посвящены выдающимся трирским епископам Максимино и Паулину, принимавшим активное участие в тринитарных спорах на стороне ортодоксов. Епископство этих двух деятелей Хайнен считает выдающейся эпохой в истории трирской Церкви. На Максимино оказал влияние страстный противник арианства Афанасий, который был сослан в Трир, где, полагает автор, деятельный александриец написал свой двойной трактат «*Contra gentes – de incarnatione Verbi*». Автор не только подробно анализирует житие Максимино, но и рассматривает вопрос о подлинности саркофага св. Максимино в крипте монастырской церкви его имени. Он приходит к выводу, что в ней действительно покоится Максимино. Анализируя изображения на саркофаге, автор высказывает ряд соображений по поводу включения в эти изображения наряду с центральной фигурой Доброго Пастыря также и ветхозаветных сюжетов. Хайнен отмечает, что христиане продолжали считать себя истинным Израилем. Можно было бы добавить, что переосмысление ветхозаветных сюжетов и образов было типично для художественной культуры христиан, в частности, катакомбной живописи. По существу все они рассматривались как провозвестие Христа.

Преемник Максимино епископ Паулин, по-видимому, стал епископом в 347 г., но дни свои он закончил в Малой Азии, куда был отправлен в изгнание Констанцием, сторонником арианства. В период своего епископства в Трире Паулин активно выступал против ариан на соборе в Арле. Хайнен вписывает деятельность трирских епископов не только в религиозную борьбу, но и в политическую ситуацию. В частности, он ставит вопрос о возможном сотрудничестве Паулина с узурпатором Максенцием и считает, что между последним и трирскими епископами могло установиться по меньшей мере «дружеское сосуществование», поскольку Максенций в этом регионе не воспринимался как узурпатор (замечу в скобках, что такая позиция трирских епископов показывает далеко не однозначную роль христианской Церкви в период упадка империи). В дальнейшем в Трире сложился культ Паулина, о чем свидетельствует перенос его праха из Малой Азии и поклонение его гробу верующих, оставлявших надписи и подношения.

Новый и последний расцвет Трира связан со временем правления династии Валентиниана, когда Трир снова стал резиденцией императорского двора. Поскольку воспитателем Грациана был Авсоний, который провел многие годы в Трире, Хайнен считает возможным привести и проанализировать произведения этого поэта, связанные с христианством. Этот раздел книги занимает особо место: автор впервые дает перевод на немецкий язык «*Versus Paschales*» и «*Oratio Matutina*» (приведен и латинский текст). Перевод и анализ этих текстов, с моей точки зрения, представляет большой интерес и для историков литературы. Автор показывает своеобразие тринитарной терминологии Авсония (Сын не только подобен, но и равен Отцу), раскрывает скрытые политические призывы поэта к единству императорской власти: соправителями Валентиниана были его брат и сын, поэтому Авсоний говорит о нераздельности разделенной власти. «*Versus Paschales*» важны, по мнению Хайнена, для его темы как свидетельство идеологии власти при дворе Валентиниана. «*Oratio*» по многом напоминает «*Versus Paschales*». Это произведение могло быть написано в Трире или в конце жизни поэта на его родине в Аквитании, но в любом случае оно отражает восприятие христианства, характерное для Трира времени валентиниановской династии. В связи с этим произведением Хайнен снова возвращается к проблеме иудейство – христианство: почитание Ветхого завета сочетается с резко отрицательным отношением к иудеям (*fraude offensus populi*). Такое отношение автор называет амбивалентным, что не представляется мне точным: христиане отделяли Ветхий завет от иудеев, которые не только не приняли Христа, но и не поняли, по мнению христиан, своих существенных священных книг; такая трактовка представляется мне достаточно последовательной.

Трир был одним из центров ортодоксального христианства, поэтому неудивительно, что там проходил процесс против одной из христианских групп, которых ортодоксы считали еретиками – присциллиан. Христиане начали борьбу с инакомыслящими. Автор подробно характеризует эту борьбу, он отмечает, что в перспективе дальнейшего существования Церкви этот процесс был событием особым. Происходил он во время правления оcherдного узурпатора Магна Максима. Сторонников Присциллиана, проповедовавших аскетический образ жизни, церковная элита обвинила как еретиков в манихействе, колдовстве, использовании магии (манихейство со времени Диоклетиана было в империи запрещенной религией). Магн Максим поддержал ортодоксальных епископов, опасавшихся ригоризма этой группы. Как пишет Хайнен, впервые сложилась необычная ситуация: епископы добились смертного приговора еретикам. Начало злу было положено. Выходя за рамки частной характеристики этого конфликта, автор видит его продолжением процессы против еретиков и ведьм в последующие времена. Делает он и более широкое обобщение, имеющее отношение и к современности: это был, если пользоваться терминологией наших дней, конфликт между фундаменталистами и

умеренными (сравнение достаточно смелое, но оно заставляет задуматься об общих закономерностях в развитии религиозных и партийных движений). Однако не все поддержали жесткое решение трирского судилища. Против него выступили Амвросий Медиоланский и Мартин Турский. Выступление Мартина дало основание автору посвятить этому деятелю особый параграф с подробным разбором сообщений о нем Сульпиция Севера. Мартин был гораздо ближе к присциллианам, чем к элитарным трирским епископам, он придерживался монашеской аскезы. Автор не ограничивается только характеристикой самого Мартина, он делает интересные замечания, касающиеся источника, ему посвященного. Текст Сульпиция Севера – не историческое сочинение, а род агиографии, он приводит нас в мир совсем другой, нежели мир произведений Авсония, связанного еще с античной традицией. Хотя оба они были современниками, но, как пишет Хайнен, это была связь только по времени, а не по внутренней сущности. Сопоставление Авсония и Мартина Турского позволяет читателю представить себе всю сложность духовной обстановки IV в.

Среди осудивших присциллиан был и трирский епископ Бриттон, которого поддержал его преемник Феликс. Однако борьба не закончилась (против Феликса выступил Амвросий), часть епископов выступала за Феликса, другие – против. И хотя этот частный конфликт завершился, трещина, расколовшая христиан Запад, осталась: это был кризис, имевший продолжение в конфликтах между обособившимися верующими-аскетами и церковной элитой.

На страницах книги Хайнена появляется еще один крупнейший церковный вероучитель – Августин. С его сообщениями автор связывает доказательства существования в Трире небольшой монашеской группы.

Последние разделы книги посвящены падению язычества и началу для Трира новой эпохи, связанной с Великим переселением народов. Хайнен подробно разбирает указ Феодосия о запрещении всех форм языческих культов. Применительно к Триру он рассматривает археологические данные о языческих святилищах, занимавших в городе особый район. Что касается трирской округи, то там святилища были разрушены германцами и больше не возродились. Однако запрет язычества не означал его полного искоренения. Христианство существовало в языческом окружении и много у него заимствовало. В искусстве IV в. продолжают использоваться сюжеты античной мифологии: в книге приведено изображение борьбы Геракла с Антеем, причем рядом с Гераклом – богиня Афина. Существовало и сочетание римской традиции с христианской. Сохранился бронзовый бюст мальчика, на шее которого шнурок с овальной буллой, как и полагалось римским мальчикам, но на булле вырезана христоматта. Специально разбирает Хайнен знаменитую *Ledamosaik*, открытую в 1950 г. Сюжеты этой мозаики ясны лишь частично. Изображено там и рождение близнецов Кастора и Поллукса и Елены. В целом интерпретация этой мозаики вызывает ряд трудностей. Вероятно, она была связана с мистериальным культом.

Вторжение германцев, главным образом франков, привело в Галлию новые толпы язычников. Но, как отмечает Хайнен, после всех разрушений жизнь в Трире продолжалась. Христианские некрополи, латинские надгробия дают возможность говорить о континуитете. 60–70-е годы V в. были переходным периодом между античностью и средневековьем: в Трире это время было связано с графом (*comes*) Арбогастом, романизированным и христианизированным франком. В VI в. Трир вошел в государство Меровингов. Заканчивает Хайнен свою книгу словами о том огромном значении, которое имела христианизация германцев, воспринявших вместе с новой религией иудейское, христианское и греко-римское наследие.

Книга Хайнца Хайнена основана на детальном анализе самых разнообразных источников, она богато иллюстрирована, причем разбор изобразительного материала включается в систему рассуждений автора. Как я старалась показать, значение этой книги выходит за рамки истории христианства в Трире: эта история – часть политической и идеологической ситуации Поздней империи, а выводы и комментарии автора порой имеют значение и для нашего времени.

И.С. Свенцицкая